

К 105-летию поэта

Молчание о любви

Многие поэтические строки Людмилы Татьянической так прочно вошли в нашу жизнь, что стали народными

В кабинете поэта

Она родилась в Мордовии, в небольшом городке Ардатов, в семье учительницы и студента-медика. Отец Константин Андреевич – выпускник Казанского медицинского университета – служил начальником милиции в Ардатове, погиб в 1918 году, когда Люсе было три года.

Мама, взяв дочку, уехала в глухую деревню. Они жили при школе, в боковой комнате. Днём Агриппина Степановна обучала грамоте детей, а по вечерам учила взрослых в полутёмном и холодном Народном доме, куда брала с собой и Людмилу...

И вдруг новое несчастье: мама заболела и умерла после неудачной операции. В десять лет девочка осталась круглой сиротой. С ма-

леньким фанерным чехом она отправилась в Свердловск к дальним родственникам Кожевниковым: бездетные, они приняли её как родную. В этой интеллигентной семье всячески поощряли поэтический дар Татьянической, который та унаследовала от матери. В новой школе Людмила познакомилась с Алёшей Бажовым, а затем и с его отцом – автором знаменитых уральских сказов Павлом Петровичем Бажовым. Спустя годы Татьяническая вслед за Бажовым будет на свой лад воспевать Урал, его суровую красоту и людей особой уральской породы. Недаром на одном из совещаний Бажов представил Татьяническую как Хозяйку Медной горы, а в неформальной обстановке называл её Малахитчицей.

В 15 лет Людмила поступила учеником токаря на вагоностроительный завод. «Юность моя ничем не отличалась от юности многих моих сверстников – городских комсомольцев тридцатых годов: школа-завод-рабфак», – вспоминала она. В девятнадцать, прервав учёбу в Свердловском институте цветных металлов, Татьяническая отправилась на Магнитострой, где строился огромный металлургический завод. Жить было нелегко, и её приютила семья Люгариных – в крошечной комнатке 112-го «писательского» барака. Спать Людмиле приходилось на полу, постелив газеты. «Длинный сквозной коридор, комнатка с железными койками и топчанами и общий титан-самовар в угловой каморке, – вспоминал Люгарин. – Одним лишь выделялось наше жилище: тут дольше, чем в других, не гасли огни. Люди писали стихи, рассказы, очерки о том, что происходило вокруг, что творили сами». Позже Татьяническая написала: «Там чуть не

каждый мой сосед / Был журналист или поэт».

Горком комсомола направил Людмилу на работу в редакцию газеты «Магнитогорский рабочий» сотрудником отдела писем, заведующей отделом культуры и быта. Шёл 1934 год. В редакции Татьяническая познакомилась с заведующим промышленным отделом Николаем Смелянским, который стал её мужем. На первое заседание литературной группы «Буксир» она опоздала, но, когда прочла свои стихи, её приняли «на ура».

«В молодости сил хватает на многое. Оперативная работа в редакции. Общественные поручения. Депутатские обязанности в горсовете. Воспитание сына, – вспоминала Татьяническая годы, проведённые в Магнитке. – Всё это не мешало учиться заочно в Литературном институте имени Горького, писать стихи, много читать, широко общаться с интересными людьми...»

Последние государственные экзамены в Литинституте она сдавала уже во время войны. Редакция «Магнитогорского рабочего» в то время располагалась на первом этаже жилого дома на улице Пионерской. Татьяническая устраивала редакционные «среды», куда приглашала рабочих, строителей, учителей, врачей из эвакогоспиталей, местных поэтов и эвакуированных артистов. Большое участие в судьбе Татьянической принимала поэтесса Мариэтта Шагинян, с которой Людмила познакомилась ещё в довоенное время. Она рекомендовала стихи Татьянической в московские издания. В 1944 году в Челябинске вышел её первый поэтический сборник «Верность». В том же году Татьяническая переехала в Челябинск, получив назначение на должность директора област-

ного книжного издательства, но Магнитку не забывала. «Чем была для меня Магнитка? – писала она. – Молодостью, любовью, песней, романтикой. Школой мужества, трудолюбия и гражданственности».

В 1945 году вышел новый сборник Татьянической со скромным названием «Стихи». Год спустя новая книга – «Лирика». Поэтессу обвинили в «ахматовщине», в том, что она много внимания уделяет материнским чувствам и мало – любви к Родине. Из пятидесяти тысяч экземпляров – остальные поэтесса уничтожила. Это было время новой волны репрессий против писателей, за лирические стихи можно было поплатиться свободой. На первый план в творчестве Людмилы Константиновны вышли рабочая тема и тема родной земли.

Более 10 лет Людмила Татьяническая руководила Челябинским отделением Союза писателей СССР и дала путёвку в литературу многим уральским поэтам. В 1965 году она переезжает в Москву, где её избирают секретарём Союза писателей РСФСР. За следующие 15 лет Татьяническая выпустила 25 сборников стихов и прозы, двенадцать книг для детей. В 1971 году за книгу стихотворений «Зорянка» она удостоена Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

В 1979 году она вновь вернулась к лирической поэзии. Книга «Калитка в осенний лес» стала переломной. Уже тяжело больная, Татьяническая готовила к печати книгу стихов «Десять ступеней» и рассылала друзьям «Магнитогорские пальмы». В апреле 1980-го Людмила Татьяническая ушла из жизни.

✍ Елена Брызгалкина

Поэзия

✍ Людмила Татьяническая

«Я вижу свой синий Урал...»

О счастье я не знала ничего.
Оно вокруг невидимое было.
Из горных рек водой меня пошло,
Обогревало солнечным лучом.
Когда я шла по молодому льду,
Вся отдаваясь радости движенья,
Меня вело моё отображенье.
Я шла одна, у мира на виду!
Мой золотистый, мой вчерашний мир,
Где всё, как в детстве,
Чисто и безгрешно,
Как молодо цвели твои черешни,
Какие ты богатства мне дарил!
Под лёгким пологом твоей зари
В меня влилась твоя хмельная сила,
О женской доле я тебя просила,
И ты сказал мне:
– Вот она, бери! –
Но где же счастье?
Разве этот зной
Палачего безоблачного лета,
С ночами ослеплёнными,
без света,
Где страшно двум,
несмыслимо одной?
С косноязычьем, ревностью,
тоской,
Бессонными, бесслёзными глазами...
Я не хочу!
Прохладными лесами
От счастья ненасытного укрой!
Верни мне снова тот январский лёд,
Небрежно разлинованный
коньками,
Дай быстрых лыж
почувствовать полёт
И дымный снег,
и ветер под ногами.
Иль поведи в еловые леса,

В седую глушь медвежьего завала,
Где, сузив напряжённые глаза,
Я глухарей и рябчиков сбивала.
Дозволь мне снова юность
перечесть,
Как сказку – не деля её на части...
А счастье?
Может, в том оно и есть,
Когда живёшь,
не думая о счастье!

Малахит

Когда-то над хребтом Урала,
Солёной свежести полна,
С ветрами запросто играла
Морская вольная волна.

Ей было любо на просторе
С разбегу устремляться ввысь.
Отхлынуло, исчезло море,
И горы в небо поднялись.

Но своенравная природа
То море в памяти хранит:
В тяжёлых каменных породах
Волной играет малахит.

Он морем до краёв наполнен,
И кажется: слегка подуть –
Проснутся каменные волны
И морю вновь укажут путь.

Сыны мои

Мне говорят, что слишком много
Любви я детям отдаю,
Что материнская тревога
До срока старит жизнь мою.
Ну что могу я им ответить,
Сердцам,
Бесстрастным, как броня?
Любовь, мной отданная детям,
Сильнее делает меня.

В ней всё –
И радость,
И терпенье,
И те, шальные, соловьи...
За это чистое горенье
Спасибо вам,
Сыны мои!

Любовь

Любовь – это тайна и чудо,
И нам не узнать никогда,
Придет ли, когда и откуда,
А если уйдёт, то куда...

Дороги не сыщут обратно,
Лишь будет манить издали...
На солнце отчётливы пятна –
Ожоги ушедшей любви...

Журавли

Я пишу тебе, милый,
Со станции Осень.
Здесь подолгу стоят
На путях поезда.
А багряные листья
Неспешно уносят
В своих зыбких ладонях
Речная вода.
Журавлиные стаи
Торопятся к югу.
И проезжие люди,
От дома вдали,
Неизвестно зачем
Уверяют друг друга,
Что они не грустят,
А грустят журавли.
Но однажды журавль,
Ниже всех пролетая,
Мне сказал,
Помахав беспечальным крылом,
Что у них на земле
Два единственных края

И что каждый их ждёт,
Как родительский дом.
Может быть, он и прав.
Только я не об этом...
Чтобы выказать всё,
Мне не хватит письма...
Если строгий кассир
Не продаст мне билета,
Как ты будешь один
На разезде Зима?

Незабудки

За развилкой разлук,
За поляной черничной
Я нашла этот луг.
Он совсем необычный.
Там растут незабудки.
Одни незабудки.
Стебли их,
Словно девичьи пальчики,
Чутки.
Голубые цветы невысокого роста.
Ни шипов, ни колючек...
Срывать их так просто!
Их срывают, любя.
А потом забывают.
Но не зря
Незабудками их называют.
Потому этот луг
Не похож на обычный.
После встреч и разлук,
Потрясенный различных,
К незабудкину лугу,
Мечтая о чуде,
Очень часто приходят
Усталые люди.
Ранним утром,
Слушая птичью побудку,
Каждый ищет свою незабудку,
Свою незабудку,
Что сквозь годы глядит
Голубыми глазами.
Ту, которая...
Впрочем, вы знаете сами...

Урал

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,

Сосны босые
Сбегают с подоблачных скал.
В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей
Лежат голубые озёра
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звёздный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем всё это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала –
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созидания
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавают металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

В борьбе,
В созидательном громе
Нелепо безволие раба...
Счастье своё проворонив,
Горюем потом:
– Не судьба!
Руками разводим бессильно:
– Такая планета у нас...
Меня это прежде бесило.
Меня это ранит сейчас!
Не каждый выходит в герои.
Но каждый
Родился не зря.
Судьбу надо строить,
Как строи
Ракеты, мосты и моря.
К стандартам
Впадая в немилость,
Свои учредив чертежи,
Судьбу воздвигайте на вырост
Характера. Воли. Души.
Надёжно.
Без ахов и охов,
Без мелочной злой кутерьмы!
Судьба – это слепок с эпохи.
Точнее,
Судьба – это мы!